

Уроки патриотизма и гражданственности

(Рекомендации Н.И.Элиасберг)

Элиасберг Наталия Ильинична - доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики гуманитарного образования Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования.

Признание заслуг, звания и многочисленные премии и награды Д.С.Лихачева закономерны и заслужены. Его работы глубоки и серьезны. Большинство из них — новое слово в науке. Но сильной стороной деятельности академика являлось и стремление донести свои научные открытия до простого читателя, сделать их интересными и понятными. Лихачев проявил себя как блестящий просветитель, стремящийся не просто расширить исторический кругозор читателя, но и привить ему любовь к своему Отечеству. Дмитрию Сергеевичу принадлежит множество журнальных статей, посвященных разным проблемам литературоведения, краеведения, истории культуры. Специально для учителей подготовлено издание «Слово о полку Игореве – героическое произведение русской литературы». Школьникам адресовано издание «Слова» с прекрасными гравюрами Фаворского. Издательство «Просвещение» выпустило в 1983 г. публицистическую книгу Д.С. Лихачева «Земля родная». В ней автор на широком историческом фоне раскрывает ценность и значимость памятников культуры. Обращаясь к молодому читателю, академик писал: «Человека создает земля. Без нее он ничто, но и землю создает человек. От человека зависит ее сохранность, мир на земле, умножение ее богатства. От человека зависит создать условия, при которых будут сохраняться, расти, умножаться ценности культуры, когда все люди будут интеллектуально богатыми и интеллектуально здоровыми...

Ценя прекрасное в прошлом, защищая его, мы тем самым как бы следуем завету А.С. Пушкина: «Уважение к минувшему — вот черта отличающая образованность от дикости...»¹

Патриотизму Д.С. Лихачева, как подлинного русского интеллигента были чужды любые проявления изоляционизма и национализма. Изучая все «русское» —

¹ Лихачев Д.С. Земля родная.- М.. 1983.- С 5-6.

русский язык, русскую культуру, литературу и искусство, раскрывая их красоту и самобытность он в то же время рассматривал их в контексте и взаимосвязи с мировой культурой.

В предисловии к своей последней книге «Раздумья о России» Д.С. Лихачев писал: «Я не проповедую национализм, хотя и пишу с болью о родной для меня и любимой России. Я просто за нормальный взгляд на Россию в масштабах ее истории. Читатель, думается, в конце концов поймет, в чем суть такого «нормального взгляда», в каких чертах национального русского характера скрыты истинные причины нынешней трагической ситуации, а какие дают надежду на оптимистический взгляд в ее будущее, веру в ее неиспользованные пока возможности»².

Почетный гражданин Санкт-Петербурга Д.С. Лихачев в самых разных жизненных обстоятельствах являлся образцом подлинной гражданственности. Он высоко ценил не только свою свободу, включая свободу мысли, слова, творчества, но и свободу других людей, свободу общества. Не случайно он восхищался Андреем Дмитриевичем Сахаровым и высоко ценил его самостоятельную борьбу за демократизацию страны.

Отличительной чертой самого Дмитрия Сергеевича Лихачева также являлась активная гражданская позиция. Он не мог стоять в стороне от многих проблем, волновавших его земляков.

Всегда безупречно корректный, выдержанный, внешне спокойный — воплощение образа петербургского интеллигента — Дмитрий Сергеевич становился твердым и непреклонным, отстаивая правое дело. Так было, когда возникла бредовая идея о повороте северных рек.

Уже подготовили для этого мощную технику, и создавалось впечатление, что предотвратить осуществление этого проекта невозможно. Но чудо свершилось, Здравомыслящим людям с помощью Лихачева удалось остановить это пагубное деяние, грозившее затопить веками обжитые земли, селения, луга, уничтожить созданные бесценные творения народной архитектуры. Благодаря вмешательству и протесту Лихачева были спасены от уничтожения, сохранены церковные здания,

² Лихачев Д.С. Раздумья о России. – СПб.: «Логос», 2004. С. 8.

представляющие историческую и культурную ценность, ландшафтные парки Новгорода, архитектурные ансамбли Ферапонтова и Кириллова монастырей.

Активно защищал Дмитрий Сергеевич от бездумной реконструкции культурно-исторический ансамбль родного Питера. Когда в шестидесятых годах был разработан проект реконструкции Невского проспекта, предусматривающий перестройку ряда зданий и создание по всей длине проспекта наклонных витрин, Лихачеву и его единомышленникам с трудом удалось убедить городские власти отказаться от этой идеи.

Дмитрий Сергеевич, человек со своим мнением, был неудобен для партийной номенклатуры. Для него важна была не позиция высокопоставленного чиновника, а *истина*, и за нее он готов был бороться на любом уровне, невзирая на последствия для себя лично. Он был сильным раздражителем для партийной верхушки, не привыкшей к людям, умеющим отстаивать собственное мнение, отличное от решений вышестоящих организаций.

Его делали невыездным. Долгое время выезд за границу для участия в научных конференциях для него был закрыт.

Нежелание бездумно выполнять неприемлемые для него решения и указания партийных, государственных или академических деятелей привело и к более серьезным последствиям для строптивного академика:

«Это случилось в октябре 1976-го. В то утро позвонил из Москвы академик Храпченко: «Дмитрий Сергеевич, у вас есть шанс себя реабилитировать, и к вам никогда не будет уже никаких претензий если подпишете наше общее письмо-протест против антисоветской деятельности Сахарова». Я: «Нет, этого делать не могу». Он: «Ну, на нет и суда нет...»

А через несколько часов, когда спускался из квартиры по лестнице, чтобы ехать в Пушкинский дом, получил удар. Потом еще и еще... Того, кто сломал мне два ребра, я успел рассмотреть: спортивная шапочка с козырьком, ярко-черные, явно наклеенные усы (еще на Соловках я узнал, как подобными приемами создается «ложная отвлекающая улика»). В общем, после моего разговора с Храпченко товарищи из обкома и из КГБ сработали оперативно. И громилу милиция, естественно, не нашла. А через полгода — уверен, по их указке — пытались поджечь квартиру. Когда мы были на даче, преступники подсунули под

дверь квартиры трубки, по которым стали пропускать из канистры зажигательную смесь.

Однако непредвиденный случай им помешал, заставил бежать, бросив на месте преступления канистру со смесью керосина и ацетона»³.

В условиях начавшейся перестройки и демократизации жизни страны его видели на трибуне государственных совещаний. Академику Лихачеву верили и знали, что он поддержит правое дело, вступится за незаслуженно обиженного. Ему пишут о гибнущих церковных зданиях, о сносе и разрушении историко-архитектурных памятников, о возникающей экологической опасности, о бедственном положении библиотек и провинциальных музеев, о случаях несправедливого отношения к работникам культуры. Пишут о многом — с уверенностью, что Лихачев поможет, защитит, отстоит, добьется...

Вспоминается встреча с Д.С. Лихачевым в Останкино, происходившая во второй половине 80-х годов.

Она продолжалась больше часа и в конце ее академику был задан вопрос:

— В чем Вы видите смысл жизни?

Он ответил:

«Жизнь — это драгоценнейший дар, он дается не зря: не для мелочей, не для собирания мебели и устройства своей квартиры, не для покупки машин. Он дается для какой-то огромной, великой цели. Вы подумайте, природа создавала человека миллионы лет. И человек обязан отблагодарить природу за это и своей творческой работой продолжить созидательную деятельность. Она может быть продолжена в маленьких областях и в больших областях, в очень престижных и в не очень престижных. Но нужно продолжать накапливать в жизни добро, накапливать все то, что способствует созиданию. И тогда человек будет счастлив, тогда он будет сознавать, что он живет не зря».

Вся долгая жизнь Д.С. Лихачева явилась подтверждением этих слов. Он умер 30 сентября 1999 года всего лишь около месяца не дожив до девяносто трех лет.

³ Смена. -1992. – 26 августа.

22 сентября 1999 года за восемь дней до своей смерти Дмитрий Сергеевич Лихачев передал в издательство рукопись книги - Д.С. Лихачев «Раздумья о России» 2-е – издание, исправленное.

На первой странице слова Д.С. Лихачева «Современникам и потомкам посвящаю».

Именно к страницам этой книги, как к своеобразному завещанию Д.С. Лихачева, предлагается обратиться педагогам, проводя со старшеклассниками цикл уроков Лихачева, уроков патриотизма и гражданственности.

Не подлежит сомнению, что в современной школе наиболее актуальными являются задачи воспитания молодых граждан России, на что неоднократно обращал внимание Д.С. Лихачев. Сегодня в основополагающих государственных документах, определяющих общие направления развития и совершенствования общего образования, задачи воспитания гражданина выдвинуты на первый план. Однако, на практике нередко необходимая систематическая работа в указанном направлении подменяется отдельными «воспитательными» мероприятиями, что естественно малоэффективно.

Между тем именно от роста сознательности и социальной активности граждан России, особенно молодежи, в значительной степени зависит формирование в нашей стране гражданского общества и правового государства.

Потому как никогда актуальны слова Н.А. Некрасова:

«А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! Будет с нас – купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Хватает даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!»

Сегодня гражданское образование становится необходимой составной частью образовательного процесса в российской школе.

Напомним, что входит в содержание понятия «гражданское образование».

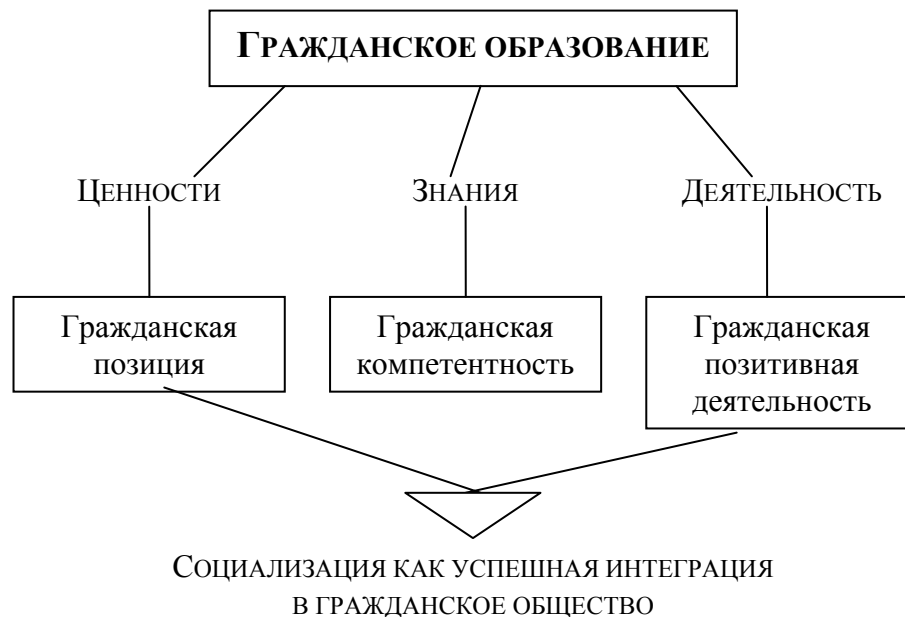
Гражданское образование — это воспитание и обучение, ориентированные на формирование совокупности гражданских свойств личности.

Достойный гражданин России — это человек, обладающий широкими правами, адекватными Международной Хартии прав человека, знающий свои права и умеющий их защищать, нетерпимый к любым проявлениям насилия и произвола, человек, честно, по велению сердца выполняющий свои обязанности, чувствующий неразрывную связь с Отечеством, его прошлым, настоящим и будущим, постоянно берущий на себя ответственность за его судьбу, своими конкретными делами помогающий стране стать сильнее и богаче.

Можно выделить три взаимосвязанных направления гражданского образования. Это:

- формирование у учащихся социально-гражданской компетентности, в основе которой — совокупность знаний в области социологии, этики, права, экономики, политологии, позволяющих свободно ориентироваться в жизни гражданского общества, правильно определять способы своего поведения и жизненные планы;
- воспитание гражданственности, предполагающей наличие у человека системы социально значимых нравственных ценностных ориентиров, питающих чувства причастности к судьбе Отечества, определяющих готовность принять на себя моральную ответственность за его прошлое, настоящее, будущее, установку на активное участие в развитии своей страны, в общественной жизни в формах, отвечающих моральным и правовым нормам;
- создание условий для развития гражданской активности, накопления учащимися опыта реальных социально значимых дел, участия в гражданских объединениях и акциях, направленных на защиту прав граждан, укрепление правопорядка и т. и.

Ориентир на становление у школьников не только социально-гражданской компетентности, но и гражданственности требует такого отбора содержания гражданского образования, при котором обеспечивалось бы единство когнитивного (знаниевого), аксиологического (ценностного) и деятельностно-практического компонентов содержания.

Воспитание юной личности в духе гражданственности на основе развития нравственных чувств и ориентиров — очень сложная задача, решение которой требует особого такта и педагогического мастерства. Это подтверждает и наш многолетний эксперимент в области этико-правового образования.

К сожалению, существует иллюзия, что стоит подробно объяснить детям, что такое хорошо, а что такое плохо и дети сразу станут хорошими. Дидактизм, назидательность, обращение лишь к логике воспитанников, авторитаризм — таковы типичные подходы многих педагогов к решению задач гражданского воспитания. Но, как показала практика, эффект от таких способов воздействия на детей, особенно подросткового возраста, минимален.

Только слово, окрашенное искренним чувством, и вызывающее ответное чувство, может дать необходимый воспитательный результат. Вспомним, именно о таком слове писал В. Шефнер:

Словом можно убить,
Словом можно спасти,
Словом можно полки
За собой повести.

Поэтому, в процессе реализации в школах Санкт-Петербурга системы этико-правового образования, стремясь к достижению поставленной задачи воспитания

гражданских чувств личности, нами разрабатывались формы и методы эмоционального воздействия на учащихся.

Одним из мощных средств воздействия стали специально подобранные и психологически обоснованно введенные в образовательный процесс тексты. Очень важную роль в определении личностью ценностных ориентиров может сыграть «прикосновение к иной судьбе» — рассказ о людях, достойно прошедших свой жизненный путь, размышления вызывающих доверие авторов, о смысле жизни, об отношениях между людьми, о добре и зле.

Именно с этих позиций предлагается учителю в работе с учащимися 10 – 11 (а возможно и 9-х классов) обратиться к предложенным ниже фрагментам текстов из книги Д.С. Лихачева «Раздумья о России».

Эта книга складывалась из многих записей и наблюдений, сделанных автором в девяностые годы. Она содержит богатейший фактический, научно обоснованный материал о Древней Рус, о культуре России на разных этапах ее развития.

И весь этот пласт научной информации является основой и поводом для формулирования давно и глубоко продуманного — мыслей и выводов автора о России в прошлом и настоящем и для надежд обращенных в будущее.

Именно в этом ключе отобраны предлагаемые нами для чтения тексты из последней книги Д.С. Лихачева.

Тексты рассчитаны на проведение цикла «Уроков Лихачева» (к каждому уроку один озаглавленный фрагмент).

Предлагается методика, ориентированная не на детальное препарирование текста и анализ, а на восприятие учащимся текста в целом — на создание педагогических условий для погружения учащихся в чувства и мысли автора. Для этого целесообразно использовать прием чтения вслух. Слово, произнесенное вслух делает текст живым, приближает его к учащимся. Кроме того, если чтение выразительно, оно не только позволяет акцентировать внимание на наиболее важном для автора, подчеркнуть авторскую позицию, но и затронуть некоторые струны в душе слушателей. Кто будет читать текст предлагаемых фрагментов из книги Д.С. Лихачева? Вероятно, наиболее целесообразно, чтобы выразительно прочитал текст учитель. В случае, если учитель к этому не готов, надо

подготовить к этому кого-либо из учащихся, владеющего умением выразительного чтения.

В предлагаемом варианте Уроки Лихачева можно провести следующим образом:

1. В начале урока (5 – 8 минут) слово учителя о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве (элементы биографии, черты личности и т.д.).
2. Основная часть урока — Живое слово Автора — Выразительное чтение учителем (либо подготовленным учащимся) выбранного фрагмента текста Д.С. Лихачева.
3. Заключительная часть урока — осмысление учащимися и их внутреннее эмоциональное приобщение к прочитанному в форме диалогов внутренних (мысленных разговоров с автором), и внешних (общение между учащимися).

Для этого учащимся предлагается ответить (в первую очередь себе в форме внутреннего диалога с автором) на следующие вопросы:

- Каковы чувства автора текста? С каким чувством вы слушали этот текст?
- Какова, на ваш взгляд, главная мысль автора? Какую мысль вы считаете главной для себя?
- Какое новое знание вы получили?
- Есть ли в содержании этого текста важное для вас лично? Как бы вы назвали этот Урок Лихачева?

Как получить ответы на поставленные вопросы? Варианты могут быть разные. — Это (для начала) письменные ответы, часть из которых с согласия их авторов могут быть прочитаны в классе.

- Это работа в парах, когда соседи по парте делятся своими мыслями друг с другом, а потом по желанию рассказывают о них классу.

- Наконец, это работа в малых группах по четыре человека (сидящие на двух соседних партах) с дальнейшей передачей наиболее интересного классу. Итак предлагаем тексты для проведения Уроков Лихачева.

Д.С. Лихачев «Раздумья о России». 2-ое издание, исправленное СПб «Логос». 2004.

ОТ АВТОРА

То, что я скажу на страницах этой книги, - это мое сугубо личное мнение, я его никому не навязываю. Но право рассказать о своих самых общих, пусть и субъективных впечатлениях дает мне то, что я занимаюсь Русью всю жизнь и нет для меня ничего дороже, чем Россия.

**І. О ЕДИНСТВЕ НАРОДОВ И ЦЕЛОСТНОСТИ
РУССКОЙ ЗЕМЛИ⁴**

Я вспоминаю, с каким душевным трепетом я бродил в свои школьные годы по Белозерску — городу, еще в X в. знаменитому тем, что там сел на княжение один из трех братьев-варягов — Синеус (я не знал еще тогда, что и само призвание варягов — легенда, да и Белозерск перенесен на свое нынешнее место в XIV в.). Но с таким же трепетом бывал и в Изборске (городе другого брата — Трувора), и в Новгороде, где сел Рюрик, и во Владимире, основанном Владимиром Мономахом, и в Ростове, и в Новгороде-Северском, и в Путивле. Каждый город хранит свою особую красоту и вместе с тем в чем-то общую для всех. Каждое село, в котором я бывал,— от Колы близ Мурманска и северных становищ до деревень на Волге, в Псковской области, на Волхове и Пинеге — имело свое лицо. Огромное разнообразие и какое-то высокое единство. Все русское, даже после разделения на три восточнославянских народа не отторженное глухой стеной от Украины, от Белоруссии, от селений татарских, коми-зырянских, мордовских. <...>

Общие судьбы связали наши культуры, наши представления о жизни, быте, красоте. В былинах главными городами русской земли остаются Киев, Чернигов, Муром, Карела... И о многом другом помнил и помнит народ в былинах и исторических песнях. В сердце своем хранит красоту, над местной — еще какую-то надместную, высокую, единую... И эти «идеи красоты» и духовной высоты — общие при всей многоверстой разобщенности. Да, разобщенности, но всегда вызывавшей к соединению. А возникло это ощущение единства давно. Ведь в самой

⁴ Здесь и далее заголовки к фрагментам текста даны автором статьи.

легенде о призвании трех братьев-варягов сказалося представление, как я давно доказываю, о братстве племен, ведших свои княжеские роды от родоначальников-братьев. Да и кто призвал по летописной легенде варягов: русь, чудь (предки будущих эстонцев), словене, кривичи и весь (вепсы) — племена славянские и угрофинские, следовательно, по представлениям летописца XI в., эти племена жили единой жизнью. Были между собой связаны. А как ходили походами на Царьград? Опять-таки союзами племен. По летописному рассказу, Олег взял с собой в поход множество варягов, и словен, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северцев, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев <...>.

... среди лесов, болот и степей люди стремились утвердить свое существование, подать знак о себе высокими строениями церквей как маяками, ставившимися на излучинах рек, на берегах озер, просто на холмах, чтоб их было видно издали. Нигде в мире нет такой любви к сверкающим золотом, издали видным куполам и маковкам церквей, к рассчитанному на широкие просторы «голосоведению», к хоровому пению, к ярким краскам, контрастным зеленому цвету и выделяющимся на фоне белых снегов цветам народного искусства. «Цветам», то есть раскраскам цветов. Цветам, взятым из природы, согласующимся с ней, но и выделяющимся.

И до сих пор, когда я увижу золотую главку церкви ил золотой шпиль Адмиралтейства, освещающий собой весь Невский, золотой шпиль Петропавловской крепости — меч, защищающий город, — сердце сжимается от сладкого чувства восторга. Золотое пламя церкви или золотое пламя свечи — это символы духовности. «Свеча бы не угасла» — так писали в своих завещаниях московские князья, заботясь о целостности Русской земли. <...>

Архитектура Руси — это целый разнообразнейший мир. Мир веселых строительных выдумок, многочисленных стилей, создававшихся по-разному в разных городах и в разные времена. Одновременно воздвигаются храмы в Новгороде и во Владимире, в Смоленске и в Ярославле. И в Новгороде оказываются церкви, построенные в духе не только новгородских, но и смоленских, потом московских и волжских соборов. Ничего агрессивного, не допускающего сосуществования зданий другого стиля или другой идеологической наполненности. В Новгороде существовала варяжская божница, была Чудинцева

улица — улица угро-финского племени чуди. Даже в Киеве был Чудин двор — очевидно, подворье купцов из далекой северной Эстонии на Чудском озере. А в XIX в. на Невском проспекте, проспекте веротерпимости, как его называли иностранцы, была и голландская церковь, и лютеранская, и католическая, и армянская, и только две православные Казанский собор и Знаменская церковь (с 13 - 15).

II. О РУССКОЙ ПРИРОДЕ И РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ

У природы есть своя культура. Хаос вовсе не естественное состояние природы. Напротив, хаос (если только он вообще существует) — состояние природы противоестественное.

В чем же выражается культура природы? Будем говорить о живой природе. Прежде всего, она живет обществом, сообществом. Существуют «растительные ассоциации»: деревья живут не вперемешку, а известные породы совмещаются с другими, но далеко не со всеми. Сосны, например, имеют соседями определенные лишайники, мхи, грибы, кусты и т. д. Это знает каждый грибник. Известные правила поведения свойственны не только животным (с этим знакомы все собаководы, кошатники, даже живущие вне природы, в городе), но и растениям. Деревья тянутся к солнцу по-разному — иногда шапками, чтобы не мешать друг другу, а иногда раскидисто, чтобы прикрывать и беречь другую породу деревьев, начинающую подрастать под их покровом. Под покровом ольхи растет сосна. Сосна вырастает, и тогда отмирает сделавшая свое дело ольха. Я наблюдал этот многолетний процесс под Ленинградом, в Токсове, где во время первой мировой войны были вырублены все сосны и сосновые леса сменились зарослями ольхи, которая затем прилежала под своими ветвями молоденькие сосенки. Теперь там снова сосны.

Природа по-своему «социальна». «Социальность» ее еще и в том, что она может жить рядом с человеком, соседствовать с ним, если тот в свою очередь социален и интеллектуален сам, бережет ее, не наносит ей непоправимого ущерба, не рубит лесов до конца, не засоряет рек. <...>

Русский пейзаж в основном создавался усилиями двух великих культур: культуры человека, смягчавшего резкости природы, и культуры природы, в свою

очередь смягчавшей все нарушения равновесия, которые невольно приносил в нее человек. Ландшафт создавался, с одной стороны, природой, готовой освоить и прикрыть все, что так или иначе нарушил человек, и с другой — человеком, смягчившим землю своим трудом и смягчавшим пейзаж. Обе культуры как бы поправляли друг друга и создавали ее человечность и приволье.

Природа Восточно-Европейской равнины кроткая, без высоких гор, но и не бессильно плоская, с сетью рек, готовых быть «путями сообщения», и с небом, не заслоненным густыми лесами, с покатыми холмами и бесконечными, плавно обтекающими все возвышенности дорогами.

И с какою тщательностью гладил человек холмы, спуски и подъемы! Здесь опыт пахаря создавал эстетику параллельных линий — линий, идущих в унисон друг с другом и с природой, точно голоса в древнерусских песнопениях. Пахарь укладывал борозду к борозде — как причесывал, как укладывал волосок к волоску. Так кладется в избе бревно к бревну, плаха к плахе, в изгороди — жердь к жерди, а сами выстраиваются в ритмичный ряд над рекой или вдоль дороги — как стадо, вышедшее на водопой.

Поэтому отношения природы и человека — это отношения двух культур, каждая из которых по-своему «социальна», общежительна, обладает своими «правилами поведения». И их встреча строится на своеобразных нравственных основаниях. Обе культуры — плод исторического развития, причем развитие человеческой культуры совершается под воздействием природы издавна (с тех пор как существует человечество), а развитие природы с ее многомиллионнолетним существованием — сравнительно недавно и не всюду под воздействием человеческой культуры. Одна (культура природы) может существовать без другой (человеческой), а другая (человеческая) не может. Но все же в течение многих минувших веков между природой и человеком существовало равновесие. Казалось бы, оно должно было оставлять обе части равными, проходить где-то посередине. Но нет, равновесие всюду свое и всюду на какой-то своей, особой основе, со своей осью. На севере в России было больше «природы», а чем дальше на юг и ближе к степи, тем больше «человека». <...>

Пейзаж России на всем ее богатырском пространстве как бы пульсирует, он то разряжается и становится более природным, то сгущается в деревнях, погостах и городах, становится более человеческим.

В деревне и в городе продолжается тот же ритм параллельных линий, который начинается с пашни. Борозда к борозде, бревно к бревну, улица к улице. Крупные ритмические деления сочетаются с мелкими, дробными. Одно плавно переходит к другому.

Старый русский город не противостоит природе. Он идет к природе через пригород. «Пригород» — это слово, как нарочно созданное, чтобы соединить представление о городе и природе. Пригород — при городе, но он и при природе. Пригород — это деревня с деревьями, с деревянными полудеревенскими домами. Сотни лет назад он прильнул огородами и садами к стенам города, к валу и рву, он прильнул и к окружающим полям и лесам, отобрав от них немного деревьев, немного огородов, немного воды в свои пруды и колодцы. И все это в приливах и отливах скрытых и явных ритмов — грядок, улиц, домов, бревнышек, плах мостовых и мостиков.

Для русских природа всегда была свободной, волей, привольем. Прислушайтесь к языку: погулять на воле, выйти на волю. Воля — это отсутствие забот о завтрашнем дне, это беспечность, блаженная погруженность в настоящее.

Вспомните у Кольцова:

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!

У Кольцова тот же восторг перед огромностью приволья.

Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с

понятием тесноты, лишением человека пространства. Притеснять человека — это лишать его пространства в прямом и переносном смысле этого слова.

Воля вольная! Ощущали эту волю даже бурлаки, которые шли по бечеве, упряженные в лямку, как лошади, а иногда и вместе с лошадьми. Шли по бечеве, узкой прибрежной тропе, а кругом была для них воля. Труд подневольный, а природа кругом вольная. (с 506 -508)

<...> Поэтому так любимо в народной песне полюшко-поле. Воля — это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо, иметь возможность двигаться в разные стороны — как вздумается.

Что такое воля вольная, хорошо определено в русских лирических песнях, особенно разбойничьих, которые, впрочем, создавались и пелись вовсе не разбойниками, а тоскующими по вольной волюшке и лучшей доле крестьянами. В этих разбойничьих песнях крестьянин мечтал о беспечности и отплате своим обидчикам. (с 510)

<...> русский ум отнюдь не связан повседневными заботами, он стремится осмыслить историю и свою жизнь, все происходящее в мире в самом глубоком смысле. Русский крестьянин, сидя на завалинке своего дома, рассуждает с друзьями о политике и русской судьбе — судьбе России. Это обычное явление, а не исключение!

Русские готовы рисковать самым драгоценным, они азартны в выполнении своих предположений и идей. Они готовы голодать, страдать, даже идти на самоожжение (как сотнями сжигали себя староверы) ради своей веры, своих убеждений, ради идеи. И это имело место не только в прошлом — это есть и сейчас. <...> (с 48 - 49)

Русскому народу приписывается как одна из присущих ему черт беспрекословная покорность государству. Доля правды в этом есть, ибо в России не было устоявшихся традиционных форм для выражения народного мнения. Вече, земские соборы, сельские сходы?.. Этого было явно недостаточно. Поэтому независимость, любовь к свободе выражалась по преимуществу в сопротивлениях, принимавших массовый и упорный характер. Переходы из одного княжества в

другое крестьян и отъезды князей и бояр. Уход за пределы досягаемости властей в казачество навстречу любым опасностям. Бунты — Медный, Разинский, Пугачевский и многие, многие другие! Боролись не только за свои права, но и за чужие. (с 25)

Одно из самых удивительных явлений в мировой истории — восстание декабристов. И оно типично русское. Весьма состоятельные люди, люди высокого общественного положения, пожертвовали всеми своими сословными и имущественными привилегиями ради общественного блага. Выступили не за свои права, как это обычно бывало в человеческой истории, а за права тех, чей труд сами перед тем присваивали. В подвиге декабристов есть много народного.

III. РУССКИЙ СЕВЕР

Мне трудно выразить словами мое восхищение, мое преклонение перед этим краем.

Когда впервые мальчиком тринадцати лет я проехал по Баренцеву и Белому морям, по Северной Двине, побывал у поморов, в крестьянских избах, послушал песни и сказки, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, державшихся просто и с достоинством, я был совершенно ошеломлен. Мне показалось, что только так и можно жить по-настоящему: размеренно и легко, трудясь и получая от этого труда столько удовлетворения. В каком крепко слаженном карбасе мне довелось плыть («идти», сказали бы поморы), каким волшебным мне показалось рыболовство, охота! А какой необыкновенный язык, песни, рассказы!.. А ведь я был совсем еще мальчиком, и пребывание на Севере было совсем коротким — всего месяц, месяц летний, дни длинные, закаты сразу переходили в восходы, краски менялись на воде и в небе каждые пять минут, но волшебство оставалось все тем же. И вот сейчас, спустя столько лет, я готов поклясться, что лучшего края я не видел. Я зачарован им до конца моих дней.

Почему же? В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории — русской! — самой значительной, самой трагической в прошлом и самой философской), человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба и грозной силы камня, бурь, холода снега и воздуха.

О Русском Севере много пишут наши писатели-северяне. Но ведь они — северяне, многие из них вышли из деревни (вышли, но в какой-то мере и остались),— им стеснительно писать о своем. Им самим иногда кажется, что, похвалили они свое, и это будет воспринято как бахвальство. Но я родился в Петербурге, Петрограде, Ленинграде, может быть, еще и в Питере — это особый, рабочий город, выделившийся из Петербурга. Мне-то писать о своей бесконечной любви к Русскому Северу вовсе не стеснительно...

Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека,— это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский,— он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжелые времена русской истории — эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы и путешественники, полярники и беспримерные по стойкости воины. Да разве расскажешь обо всем, чем богат и славен наш Север, чем он нам дорог и почему мы его должны хранить как зеницу ока, не допуская ни массовых переселений, ни утрат трудовых традиций, ни опустения деревень! Сюда ездят и будут ездить, чтобы испытать на себе нравственную целительную силу Севера, как в Италию, чтобы испытать целительную силу европейского Юга. (570 - 571)

IV. О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Самая большая ценность народа — его язык,— язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения — только окрашивают то, что мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формулируются языком.

Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит.

Если мы замечаем манеру человека себя держать, его походку, его поведение, и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека — гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры.

Итак, есть язык народа как показатель его культуры и язык отдельного человека как показатель его личных качеств, качеств человека, который пользуется языком народа.

Я хочу писать не о русском языке вообще, а о том, как этим языком пользуется тот или иной человек.

О русском языке как о языке народа писалось много. Это один из совершеннейших языков мира, язык, развивавшийся в течение более тысячелетия, давший в XIX в. лучшую в мире литературу и поэзию. Тургенев говорил о русском языке — «...нельзя не верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

А ведь бывает и так, что человек не говорит, а «плюется словами». Для каждого расхожего понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения. Когда такой человек с его словами-плевокми говорит, он выявляет свою циническую сущность. <...> (с 477)

Несмотря на утраты, которые понес русский язык в результате отмены изучения церковнославянского языка и богослужебных текстов, а также в связи с переходом на новую орфографию, русский язык остается богатейшим выразителем русской культуры, а также в известном отношении мировой: укажу хотя бы на фразеологизмы, проникшие в русский язык из Шекспира, Данте, Цицерона и пр., на философскую, научную общемировую терминологию. <...>

Учитывая все это, мы можем понять, почему И.С.Тургенев интуитивно связывал судьбу русского языка с судьбой русского народа: действительно, язык в <...> — воплощение всей культуры народа. Убить культуру народа, воплощенную в памяти языка, конечно, нельзя. <...> (с 504 - 505)

Мы должны следить за языком. Ужасно, что слово «патриот» стало у нас бранным словом.

Если человек любит семью, он семьянин, если любит родину — патриот. Это неплохо, но это не значит, что он считает свою семью лучше и богаче всех и враждебно относится к другим семьям. Язык страдает и оттого, что у нас появилась

мода на неприличные выражения. Это не добавление новых слов, как думают некоторые, это уничтожение десятков других слов. мода бывает на самые разные слова, вот, например, слово «всплеск» — всплеск того, всплеск другого. Это слово вытеснило в пассивный запас из активного другие слова, а ведь их было множество, потом само погибло. Язык беднеет. Мы любим иностранные слова, но часто не знаем их значения: мы путаем слова «факт» и «фактор», употребляем слово «эпицентр» вместо «гипоцентр» и т.д. В первую очередь за этим надо следить работникам телевидения. Язык телевидения становится языком нации.

V. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОБ ОСНОВНЫХ ЦЕЛЯХ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

У Пушкина не было «укороченных» идей — идей, целиком уместящихся в одном произведении. Он не ставил в своих произведениях проблем, на которые мог бы сразу и до конца ответить. В творчестве Пушкина, как облака по поднебесью, проходили волновавшие его думы, меняя очертания, принимая различные образы, показываясь нам все с новых и новых сторон, но единые в своем многообразии.

Думы Пушкина (именно поэтические думы, а не просто идеи) проплывают по всему его творчеству бесконечной чередой, как глубоко личные и вместе с тем — общенародные. Главная дума Пушкина, как в народной песне, — это дума о судьбе человека. Обычная тема его лирики — воспоминания и предчувствия конца. Он не жалеет о том, что было, — только стремится понять былое. В будущем же видит не только смерть, но и бессмертие своего дела. В эпических поэмах и больших прозаических произведениях он думает о судьбе людей в больших исторических событиях. События, волнующие Пушкина, — это катаклизмы русской истории: то смута (в «Борисе Годунове»), то петровские преобразования и основание Петербурга (в «Медном всаднике»), то народное восстание под предводительством народного вождя Пугачева (в «Капитанской дочке»), то Полтавская битва (в «Полтаве»).

И в каждое из этих судьбоносных для страны исторических событий входит и личная, лирическая судьба женщины: то это честолюбивая, но вовсе не сильная Мария Мнишек, то простая и простенькая Параша, которая является читателю даже не сама, а лишь в мечтах и страхах своего жениха — маленького человека Евгения,

то сильная духом и почти героическая, думающая только о любимом ею человеке Маша Гринева, то, наконец, Мария Кочубей, трагическая в своей любви к старому и эгоистическому, и по-своему ничтожному гетману Мазепе. Каждая из этих женщин решает свою судьбу и только в одном случае решает удачно — это Маша Гринева, ибо полюбила она не честолюбца.

Напрашивается связь судеб этих женщин с судьбой Татьяны Лариной, тоже полюбившей занятого собой Онегина, Лизы в «Пиковой даме», полюбившей азартного игрока Германна. В «Онегине» и в «Пиковой даме» столкновение личной судьбы женщины происходит не с историческими событиями, но с жестоким укладом общества.

Мужчины у Пушкина по большей части не способны полюбить до полной самоотдачи. Их сфера другая. Женщины же, даже тогда, когда связывают судьбу свою с недостойными их людьми, полны самопожертвования. Именно поэтому несчастная судьба женщин так близка Пушкину, так тревожит его, и именно они становятся в его глазах первыми и главными жертвами неукротимого хода истории.

Ни одно из больших произведений Пушкина не разрешает, как мы уже сказали, до конца волновавшую его тему. Судьба частного человека в истории и обществе оборачивается все новыми и новыми сторонами в произведениях Пушкина. Тема эта и не могла быть разрешена однозначно. Для этого слишком разнообразны сами люди. Так неразрешимой, но беспрерывно разрешаемой заново, огромная тема эта перешла и во всю последующую русскую литературу.

Тема «Евгения Онегина» разрешалась Тургеневым и Гончаровым в их «усадебных» романах, тема «Пиковой: дамы» — у Достоевского в «Преступлении и наказании» и в «Игроке», тема «Медного всадника» — в «Петербурге» Андрея Белого. Вскользь сказано в «Полтаве» о пути Наполеона на Москву: Пушкин как бы предугадал и наметил даже тему будущего романа Льва Толстого «Война и мир», где любимая всеми читателями Наташа, ввергнутая, как и героини произведений Пушкина, в водоворот грандиозных исторических событий, явилась наследницей женских образов поэта.

Думы Пушкина не умерли вместе с ним. Они прошли длинной чередой по всей великой русской литературе, которую не случайно называли «Домом Пушкина».

Собственная гениальность убила Гоголя, измучила Достоевского, но сделала лучезарной личность Пушкина. (с 392 - 394)

VI. КТО ОН, - ИНТЕЛЛИГЕНТ?

<...> не давая определения «интеллигенция», отметим некоторые ее характерные черты. Прежде всего — это внутренне свободные люди, живущие своими представлениями о жизни, о мире, своими нравственными убеждениями. Люди, подчиняющиеся в своей деятельности и оценках другим людям, системам или партийным требованиям, интеллигентами, как мне кажется, не являются: они отказываются от умственной самостоятельности (а, следовательно, от какой-то части своей духовной жизни).

Обратим внимание на еще одно обстоятельство. Постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуально свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше (или она минимальна).

Русской интеллигенции присуща «тайная» свобода, о которой писали и Пушкин, и Блок.

К тому же по особенностям русского исторического прошлого мы, русские люди, часто предпочитаем эмоциональные концепты логическим определениям.

Я пережил много исторических событий, посмотрелся чересчур много удивительного и поэтому могу говорить о русской интеллигенции, не давая ей точного определения, а лишь размышляя о тех ее лучших представителях, которые, с моей точки зрения, могут быть отнесены к разряду интеллигентов. В иностранных языках и в словарях слово «интеллигенция» переводится, как правило, не само по себе, а вкупе с прилагательным «русская».

Безусловно, прав А.И.Солженицын: интеллигент — это не только образованный человек, тем более не тот, которому он дал такое обозначение, как «образованец» (что-то вроде «самозванец» или «оборванец»). Это, может быть, и

несколько резко, но Александр Исаевич понимает под этим обозначением слой людей образованных, однако продажных, просто слабых духом.

Интеллигент же — это представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и человек, обладающий умственной порядочностью. Меня лично смущает распространенное выражение «творческая интеллигенция», точно какая-то часть интеллигенции вообще может быть «нетворческой». Все интеллигенты в той или иной мере «творят», а с другой стороны, человек, пишущий, преподающий, творящий произведения искусства, но делающий это по заказу, по заданию, в духе требований партии, государства или какого-либо заказчика с «идеологическим уклоном», с моей точки зрения, никак не интеллигент, а наемник.

Повторяю, — к интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам.

Основной принцип интеллигентности — интеллектуальная свобода, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Я убежден, впрочем, что можно быть и несвободным от раз и навсегда принятых принципов. Это касается людей «с лобной психикой», отстаивающих свои старые, когда-то ими высказанные или даже проведенные в жизнь мысли, которые сами для себя сковывают свободу. Достоевский называл такие убеждения «мундирами», а людей с «убеждениями по должности» — людьми в мундирах.

Человек должен иметь право менять свои убеждения по серьезным причинам нравственного порядка. Если он меняет убеждения по соображениям выгоды — это высшая безнравственность. Если интеллигентный человек по размышлению приходит к другим мыслям, чувствуя свою неправоту, особенно в вопросах, связанных с моралью, — это его не может уронить. (с 616.)

VII. ОБ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

Об этом слове — интеллигентность, интеллигенция — много спорят. Думаю, что нельзя сводить дело к каким-то внешним признакам. Начиная с XVIII и ранее

XVII в., утвердилось противопоставление человеческой культуры природе. Века эти создали миф о «естественном человеке», близком природе и потому не только не испорченном, но и не образованном. Открыто или скрытно естественным состоянием человека считалось невежество. И это не только глубоко ошибочно, это убеждение повлекло за собой представление о том, что всякое проявление культуры и цивилизации неорганично, способно испортить человека, а потому надо возвращаться к природе и стыдиться своей цивилизованности.

Это противопоставление человеческой культуры как якобы «противоестественного» явления «естественной» природе особенно утвердилось после Ж. -Ж. Руссо и сказалось в России в особых формах развившегося здесь в XIX в. своеобразного руссоизма: в народничестве, толстовских взглядах на «естественного человека» — крестьянина, противопоставляемого «образованному сословию», просто интеллигенции.

Хождение в народ в буквальном и переносном смысле привело в некоторой части нашего общества в XIX и XX вв. ко многим заблуждениям в отношении интеллигенции. Появились и выражение «гнилая интеллигенция», презрение к интеллигенции, якобы слабой и нерешительной. Создалось и неправильное представление об «интеллигенте» Гамлете, как о человеке постоянно колеблющемся и нерешительном. А Гамлет вовсе не слаб: он преисполнен чувства ответственности, он колеблется не по слабости, а потому что мыслит, потому что нравственно отвечает за свои поступки.

Врут про Гамлета, что он нерешителен.

Он решителен, груб и умен.

Но, когда клинок занесен.

Гамлет медлит быть разрушителем

И глядит в перископ времен.

Не помедлив. стреляют злодеи

В сердце Лермонтова или Пушкина...

(Из стихотворения Д.Самойлова

«Оправдание Гамлета»)

Образованность и интеллектуальное развитие — это как раз суть естественные состояния человека.

Однако образованность нельзя смешивать с интеллигентностью.

Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового.

Больше того... Лишите человека всех его знаний, образованности, лишите его самой памяти, ко если при всем этом он сохранит восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, вкус в искусстве, уважение к культуре прошлого и настоящего, навыки воспитанного человека, ответственность в решении нравственных вопросов и богатство и точность своего языка — разговорного и письменного — вот это и будет интеллигентность.

Конечно, образованность нельзя смешивать с интеллигентностью, но для интеллигентности человека огромное значение имеет именно образованность. Чем интеллигентнее человек, тем больше его тяга к образованности. И вот тут обращает на себя внимание одна важная особенность образованности: чем больше знаний у человека, тем легче ему приобретать новые. Новые знания легко «укладываются» в запас старых, запоминаются, находят себе свое место.

Приведу первые пришедшие на память примеры. В двадцатые годы я был знаком с художницей Ксенией Половцовой. Меня поражали ее знакомства со многими известными людьми начала века. Я знал, что Половцевы были богачами, но если бы я чуть больше был знаком с историей этой семьи, с феноменальной историей ее богатств,— сколько интересного и важного я мог бы от нее узнать. У меня была бы готовая «упаковка», чтобы узнавать и запоминать.

Или пример того же времени. В 20-е гг. у нас хранилась библиотека редчайших книг, принадлежавших И.И. Ионову. Я об этом как-то писал. Сколько новых знаний о книгах я мог бы приобрести, если бы в те времена я знал о книгах хотя бы немного больше.

Чем больше знает человек, тем легче он приобретает новые знания.

Думают, что знания толкутся и круг знаний ограничен какими-то объемами памяти. Совсем напротив: чем больше знаний у человека, тем легче приобретаются новые.

Способность к приобретению знаний — это тоже интеллигентность.

Интеллигентность создается в возрасте от 3 до 16—17 лет. Потом из неинтеллигентного человека сделать интеллигентного уже невозможно. Интеллигентность — это не просто образование и сумма знаний — все это может быть и у неинтеллигентного человека. Это способность к приобретению знаний и к пониманию другого человека и другой культуры. (с 644)

VIII. СЛОВО ОБ А.Д. САХАРОВЕ

«ОН СПАСАЛ НАШУ ЧЕСТЬ*»

Один праведник может оправдать существование целого народа — вот так, слегка перефразируя библейское изречение, я хотел бы сказать об Андрее Дмитриевиче Сахарове. Не будь его, мы, русские, навеки покрыли бы себя позором. Он один говорил от лица всех нас. Он спас и сохранил нашу честь и достоинство, подав голос в защиту людей, преследуемых властями, для которых инакомыслие было тягчайшим государственным преступлением.

Я убежден, что нашу эпоху назовут в истории человечества «эпохой Сахарова». С 60-х гг., когда он начал особенно активно действовать как правозащитник, все последующие десятилетия прошли под его знаком. Не знаю, что стало бы с нашим обществом, куда бы оно сегодня зашло, если бы не то незаметное влияние, которое оказывал тихий глуховатый голос Андрея Дмитриевича на страну и мир. Он привлек внимание людей всех континентов к нашей стране, сделал ее заботы заботами всего мира.

Да, тихий голос Сахарова был слышен во всем мире. И чем яростнее старались заглушить его, тем громче он звучал. Ведь сила этого голоса заключалась именно в том, что его пытались заглушить. В сущности, Сахаров никогда не стремился поразить оригинальностью взглядов, высказать что-то такое, чего не смог бы сказать никто другой. Он всегда говорил и писал о простых человеческих истинах, которые в свободной, демократической стране воспринимаются как нечто совершенно естественное, обыденное. Но в государстве, где обыкновенному человеку запрещено говорить обыкновенные вещи, они,

* Произнесено в Лужниках на митинге, посвященном кончине А. Д. Сахарова.

высказанные вслух, становились откровением. Не исключительность, а обыденность тех истин, которые отстаивал Андрей Дмитриевич Сахаров как политик, потрясала людей. Потому что, когда в изолгавшемся обществе один человек говорит правду, каждое сказанное им слово обретает особый смысл.

На всех, кто общался с Андреем Дмитриевичем, он производил неизгладимое впечатление. В мою память врезались два эпизода, связанные с ним.

Возвращение Сахарова из горьковской ссылки было приурочено к открытию в Москве грандиозного международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества». Перед приемом в Нескучном дворце, где размещается президиум Академии наук, я впервые встретился с Андреем Дмитриевичем после его долгого отсутствия. Мы оба приехали рано, и было время поговорить. Я спросил его, как он встретится с академиками, подписавшими в свое время гнуснейшее письмо против него. «Ужасно волнуюсь, — неожиданно для меня ответил Андрей Дмитриевич. — Наверное, они будут чувствовать себя очень неловко».

Когда работа форума подошла к концу, в Большом Кремлевском дворце состоялась встреча его участников с М.С.Горбачевым. Андрей Дмитриевич стоял позади всех. Иностранцы засыпали Горбачева вопросами, стали выяснять его отношение к Сахарову. И тут все обернулось к Андрею Дмитриевичу и чуть ли не вытолкнули его вперед. Горбачев и Сахаров, до того прежде не встречавшиеся, пожали друг другу руки, обменялись несколькими репликами, а затем Андрей Дмитриевич протянул своему собеседнику папку со списком фамилий политзаключенных и начал говорить о необходимости их скорейшего освобождения.

В обоих этих случаях Андрей Дмитриевич беспокоился не о себе. Он никогда не старался «произвести впечатление». Он забывал о себе и тогда, когда выступал с трибуны Съезда народных депутатов СССР, и тогда, когда встречался с теми, кто что-то сделал для него — дурное или хорошее, не имело значения. Он был предельно искренен и естествен во всех своих поступках, в любой ситуации оставаясь самим собой. Отсюда необычайная сила его воздействия на людей. Отсюда — громадность его личности, оказавшейся сильнее всех «обстоятельств времени».

Сахаров — перевернул наши представления о власти именно потому, что не боялся ее. А не боялся он потому, что никогда не думал о себе. Он отдал всего себя другим. Он растворился во всех нас.

В неблагополучном обществе — обществе лжи, зла и насилия — Андрей Дмитриевич не мог быть благополучен сам. И закономерной была его «тайная вечеря» — то печальной памяти заседание Съезда народных депутатов, на котором злые силы накинлись на великого человека и в конечном счете стали причиной его преждевременной кончины.

Все в его жизни было удивительно закономерно, а сам он явился выразителем оставшейся честной части России. (с 641 - 643)

IX. КАКИМИ ДОЛЖНЫ СТАТЬ МЫ, РУССКИЕ, СЕГОДНЯ?

Нам, русским, необходимо наконец обрести право и силу самим отвечать за свое настоящее, самим решать свою политику — и в области культуры, и в области экономики, и в области государственного права,— опираясь на реальные факты, на реальные традиции, а не на различного рода предрассудки, связанные с русской историей, на мифы Во всемирно-исторической «миссии» русского народа и на к его якобы обреченность в силу мифических представлений о каком-то особенно тяжелом наследстве рабства, которого не было, крепостного права, которое было у многих, на якобы отсутствие «демократических традиций», которые на самом деле у нас были, на якобы отсутствие деловых качеств, которых было сверхдостаточно (одно освоение Сибири чего стоит), и т.д., и т. п. У нас была история не хуже и не лучше, чем у других народов.

Нам самим надо отвечать за наше нынешнее положение, мы в ответе перед временем и не должны сваливать все на своих достойных всяческого уважения и почитания предков, но при этом, конечно, должны учитывать тяжелые последствия коммунистической диктатуры.

Мы свободны — и именно поэтому ответственны. Хуже всего все валить на судьбу, на авось и небось, надеяться на «кривую». Не вывезет нас «кривая»!

Мы не соглашаемся с мифами о русской истории и русской культуре, созданными в основном еще при Петре, которому необходимо было оттолкнуться от русских традиции, чтобы двигаться в нужном ему направлении. Но означает ли

это, что мы должны успокоиться и считать, что мы пребываем в «нормальном положении»?

Нет, нет и нет! Тысячелетние культурные традиции ко многому обязывают. Мы должны, нам крайне необходимо продолжать оставаться великой державой, но не только по своей обширности и многолюдству, а в силу той великой культуры, которой должны быть достойны и которую случайно, когда хотят ее унижить, противопоставил __ культуре всей Европы, всех западных стран. <...>

Если мы сохраним нашу культуру и все то, что способствует ее развитию,— библиотеки, музеи, архивы, школы, университеты, периодику (особенно типичные для России «толстые» журналы),— если сохраним неиспорченный наш богатейший язык, литературу, музыкальное образование, научные институты, то мы, безусловно, будем занимать одно из ведущих мест на Севере Европы и Азии.

И, размышляя о нашей культуре, нашей истории, мы и можем уйти от памяти, как не можем уйти от самих себя. Ведь культура сильна традициями, памятью о прошлом. И важно, чтобы она сохраняла то, что ее достойно. <...>

Вопрос о культуре — самый больной вопрос политики, вопрос самого конкретного будущего. Если люди будут уходить из школы недоучившись, куда они уйдут? В бандиты? В бомжи? Во что превратится наша больная нация?

Посмотрите, что происходит! Военные не знали, где находится в Грозном музей (а ведь там было очень много картин русских художников — Васнецова и других), и музей, естественно, уничтожен вместе с центром города.

Сгорел дом Набокова в Рождествено. Несколько лет назад в Институте культуры сгорел отдел редкой книги, в Университете на историческом факультете тоже сгорел отдел редкой книги; сгорела ценнейшая часть библиотеки Академии наук; был залит горячей водой подвал, принадлежавший Публичной библиотеке, — погибли уникальные ноты XVIII в. — об этом даже газеты не сообщили. Мы просто дикари, папуасы.

А люди должны жить с достоинством. Достоинство — это уважение к семье, к самому себе, это опрятность, это наша одежда, одежда нашего города. Не выработается у людей достоинства в грязи — в этом случае человек не уважает сам себя. И существование человека как определенной ценности — уничтожается. Надо, наконец, научиться просто мыть первые этажи. Я прошел по Вознесенскому

проспекту — там всюду выломаны двери, дверные ручки, а ведь как раз за дверную ручку мы здороваемся с домом. Вознесенский был когда-то чистым, нарядным — второй Невский. (49 - 50)